

1809 ГОД В ИСТОРИИ РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

1809 г. как для России, так и для Финляндии исполнен большого исторического смысла. После победы над Швецией и присоединения 6 финских провинций Россия продолжала формирование огромной многонациональной и поликонфессиональной империи. Под эгидой России финский народ сделал очередной шаг к формированию независимого суверенного финляндского государства. С точки зрения государственно-го развития оба эти процесса были совершенно асинхронны, и цивилизационная сущность их являлась совершенно различной, но общим для них было одно: становление российской и финской государственности, происходившее в тесном, порой драматическом переплетении судеб двух народов, началось в глубокой древности, прошло этап 1809 г. и устремилось далее в XIX–XX вв., когда взаимоотношения двух народов, двух государств (несмотря на распад СССР) стабилизировались и приобрели современные цивилизационные очертания.

Было бы совершенно неверно считать, что речь здесь может идти об исторически неравноправных взаимоотношениях двух сторон – России и Финляндии, когда большой народ, великая держава постепенно подчиняла себе малый народ, который являлся «буфером» между сильными борющимися сторонами – Россией и Швецией. Оба народа – и российский, и финляндский – проходили в истории свойственные только им одним пути национального и государственного самоопределения, постоянно взаимодействуя на этом пути друг с другом. Оба они являлись субъектами истории, испившими свою, причем порой весьма горькую, чашу, прежде чем вышли на дорогу необратимости создания собственной государственности. Происходило это в разное время, в различных исторических условиях, но это не меняет смысла событий.

Замечу: как Финляндия не сразу стала современным независимым, уважаемым в мировом сообществе государством, так и Россия на своем историческом пути проделала замысловатые превращения – пройдя этапы существования Древнерусского государства, становления удельных княжеств, установления вассальных отношений с победоносной Золотой Ордой, затем медленного и мучительного собирания своих земель под эгидой Москвы, создания с конца XV в. единого централизованного государства и, наконец, образования империи. Только к концу XX в. сформировалась конфигурация современной Российской Федерации. И на всех этих этапах либо рядом с Россией, либо в рамках России, либо вне России шло формирование государственности других сопредельных с ней народов. Некоторые народы обрели свою государственность рано, потом надолго утрачивали ее и вновь обретали. Другие создавали ее при поддержке России, третьи – вопреки ей. Одновременно происходила эволюция самой России, ее государственности. Думаю, что только подобный цивилизационный подход правомерен при оценке такого события, как вхождение Финляндии в состав России в начале XIX в. и последующих на этой основе взаимоотношений двух народов и государств.

Одновременно с формированием государственности шло складывание гражданского общества – и в финских землях, и в России. Думаю, нет необходимости говорить о том, что эти процессы вовсе не идентичны и не синхронны, – как в Финляндии, так

---

* Сахаров Андрей Николаевич, член-корреспондент РАН, директор Института российской истории РАН.

Доклад, прочитанный в Парламенте Финляндии 15 сентября 2009 г.

и в России. Создав свою государственность на несколько веков позднее, чем русские, финны сумели намного опередить Россию в смысле развития гражданского общества. Этот феномен необходимо учитывать при оценке событий 1809–1811 гг.

Несколько слов об истории. Первые контакты между индоевропейцами и угро-финнами произошли в V–III тысячелетиях до н.э., когда клин индоевропейских вторжений прошел Восточноевропейскую равнину вплоть до Урала, отбросив на север и на юг и раздробив по ходу вторжений угро-финский мир. Археологические данные указывают на драматический характер борьбы за земли и воды между этими двумя ветвями человеческого рода¹. Позднее, под влиянием бурных перемен в индоевропейском мире, давления германцев и западных славян, миграционных процессов восточные славяне заняли те земли на Восточноевропейской равнине, которые и послужили основой для создания здесь восточнославянской государственности. На этом пути многочисленные восточные славяне стали этническим лидером на Востоке Европы, их племенные конфедерации еще до образования государства Русь вступали в разнообразные контакты с жившими рядом с ними угро-финскими племенами и балтами.

Уже на исходе I тысячелетия н.э. некоторые финские и балтские племена стали данниками славян. Позднее часть их превратилась в полноправных участников строительства древнерусской государственности. Достаточно вспомнить летописные сведения о призвании варягов не только ильменскими словенами, но и местными угро-финскими племенами и участии их в походе Олега на юг для захвата Киева². В этих космических для того времени событиях свое место нашли и угро-финские племена. Одна часть этих племен была в дальнейшем ассимилирована славянами, другая настойчиво стремилась сохранить свою независимость от наступающей Руси, отстоять свою самобытность.

Финнов не затронули процессы, связанные с созданием древнерусского государства. Тем не менее они стали жертвой экспансии двух соседних государств, которые в силу действия ряда исторических факторов опередили финские племена в отношении государственного развития. Финские племенные конфедерации – сумь на западе, емь на востоке – столкнулись как с агрессивными устремлениями шведских крестоносцев, так и с древней Русью, которая с помощью своей составной части – Новгородского княжества – активно расширяла владения в районе Восточной Прибалтики, побережья Финского залива, на Карельском перешейке и в землях финнов.

Северо-западное направление внешней политики Руси определилось сразу же с созданием единого восточнославянского государства. Русь боролась за обеспечение выхода к Балтийскому морю, за контроль над торговыми путями – знаменитым путем «из варяг в греки», торговой дорогой из восточной Прибалтики на Волгу, путями по Западной Двине к Балтийскому морю. Пальма первенства здесь надолго перешла в руки Великого Новгорода, который стремился распространить свое влияние на земли не только Восточной Прибалтики, но и земли, населенные финнами, а также регионы северного Урала и Зауралья. Земли чуди, перми, печеры, югры, карелов, вожан рано вошли в сферу интересов Новгорода: здесь появились его военные и торговые форпосты – Псков, Ладога, Изборск и другие.

По мере политического дробления древнерусского государства с середины XII в. дробились и его внешнеполитические ориентиры. Они никогда не исчезали полностью, просто Русь как бы делегировала свою прежнюю цельную внешнюю политику отдельным княжествам. Юго-западное направление взяли на себя Галицко-Волынская Русь и Киевское княжество, восточное и северо-восточное направление пришлось на долю Владимиро-Суздальской Руси, а северо-западное по сложившейся исторической традиции досталось Великому Новгороду, за которым встали позднее Владимирские князья. Поэтому удельный период вовсе не означал свертывания прежних древнерусских внешнеполитических приоритетов. Напротив, они во многом упрочивались и совершенствовались с тем, чтобы уже в период появления Русского централизованного государства еще более окрепнуть и стать одним из направлений Московского царства, а затем Российской империи. Северо-западное направление не стало здесь исключением.

Новгородская госпóда действовала на северо-западе и севере с неослабевающими энергией и настойчивостью. Именно на этом пути Новгород столкнулся с другими крупными державами бассейна Балтийского моря – Швецией, Данией, Орденскими силами, Литвой. Не следует думать, как это было принято в советской историографии, что с самого начала Русь, а позднее Новгородское княжество, в этом регионе были «страдающей», «обороняющейся» стороной под натиском окрестных хищных противников. Русь была равноправным «партнером» в борьбе за здешние территории и «сферы влияния» и, более того, в силу своего выгодного географического положения, постоянных контактов (позднее через Новгородское и Полоцкое княжества) с местными иноязычными народами значительно раньше своих соседей проявила внешнеполитическую активность и попыталась овладеть всем восточнобалтийским побережьем и прилегающими к нему территориями.

Подчинение местных земель новгородскими князьями сопровождалось лишь установлением даннических отношений при сохранении здесь прежних родоплеменных порядков и традиционных языческих верований. Православный крест хотя и шел следом за завоеваниями, но не был категорическим императивом. Обращение в новую веру носило добровольный характер. Что касается шведской и немецкой администрации, то они стремились в ходе овладения землями в Восточной Прибалтике, а шведы еще и землями суми и еми, установить здесь жесткий военно-административный контроль, что в совокупности с действиями католического духовенства придавало обычной для региона экспансии извне резко агрессивный, насильственный характер.

Итак, зарождался стереотип взаимоотношений финнов со своими более сильными соседями, которому было суждено дожить до 1809 г. История развивалась таким образом, что у финнов неоставало сил отстоять свою землю от более многочисленных, хорошо вооруженных и искушенных в боевых делах соседей. Но им вполне хватало умения, упорства, трудолюбия, таланта, чтобы в этих непростых условиях обустроить свою небогатую землю, а главное – использовать все возможности лавирования между противниками, отстаивая свою национальную идентичность и собирая по крупицам ростки цивилизации.

К 1130-м гг. новгородцы не только подчинили себе земли чуди-эстов, сделали своими союзниками карелов, но и в ходе систематических походов своих дружин овладели значительными территориями севера и северо-запада Восточной Европы. Финская племенная конфедерация емь, заселявшая внутренние области южной Финляндии и район Централных озер, была обложена данью. Емь неоднократно пыталась сбросить русское владычество, но походы новгородцев против непокорных восстанавливали прежнее положение³. С 1150-х гг. ситуация в этой части Европы начинает существенно меняться: прослеживается активная экспансия Швеции в Восточной Прибалтике, которая сразу же приобретает крестоносный характер. Шведы в течение десятилетий поэтапно, методично стремились подчинить себе сначала земли суми, юго-западную Финляндию, потом овладеть побережьем Эстонии, берегами Невы и Волхова, поставить под контроль торговые пути, которые вели из русских земель по Балтике в Северную и Центральную Европу.

Новгород пытался удержать завоеванные позиции. Ожесточенные столкновения шведов и новгородских дружин начались в 1160-х гг. В ответ на проникновение шведов в Финляндию новгородцы в союзе с карелами и вождями наносят ответные удары. В 1164 г. новгородцы, за 70 с лишним лет до Невской битвы, опрокинули шведский десант, пытавшийся захватить Ладогу. В 1170-х гг. сражения продолжались. В это время емь, используя противоборство шведов и Новгорода, попыталась вернуть себе независимость. Русская летопись сообщает, что новгородцы восстановили status quo. Эти события стали прообразом последующих взаимоотношений в треугольнике Швеция–Финляндия–Россия. Опыт здесь накапливался веками. В 1187 г. русские и карелы нанесли удар по шведской территории – г. Сигтуне⁴. После этого инициатива вплоть до начала XIII в. переходит к Новгороду. Более того, новгородские дружины предприняли ряд походов в Западную Финляндию. На исходе XII в., в 1198 г., новго-

родская рать нанесла удар по шведским владениям в Финляндии: был захвачен и сожжен г. Або. Однако в начале XIII в. экспансия Новгорода на северо-западе стала затухать. Это объяснялось противоборством Новгорода с Владимиро-Суздальскими князьями.

Швеция сохранила свои владения в Финляндии, откуда и повела наступление на земли в Центральной Финляндии, Водскую и Ижорскую земли. Емь восприняла это как возможность, вновь используя борьбу шведов и русских, выйти из подчинения Новгорода, прекратила уплату дани. Это вызвало в 1224 г. масштабный зимний поход против финнов новгородской рати, которую возглавил отец Александра Невского Ярослав Всеволодович. Лаврентьевская летопись отмечает, что князь Ярослав «всю землю их (финнов. – А.С.) плени»⁵. Это была первая «Зимняя война» России в финских землях. Но борьба продолжалась, причем приняла неожиданные формы: в 1237 г. против шведского владычества, насильственного внедрения христианства, разрушения языческих капищ восстание подняла емь. На этот раз плечом к плечу против шведов сражались новгородцы, карелы и емь. Во главе русской дружины стоял 17-летний Александр, будущий Невский. К концу 1230-х гг. Новгород восстановил свое влияние в крае. Новое наступление шведов началось в 1240 г., когда крестоносный десант высадился в устье Невы с целью захвата русских территорий в низовьях Волхова, берегов Невы и Ладоги. Успех давал возможность шведам не только овладеть важными торговыми путями, отрезать Новгород от моря, но и окончательно выдавить новгородцев из Финляндии и подчинить себе емь.

Победа Александра Невского на Неве надолго приостановила в крае наступление Швеции. Но не навсегда. В 1250-х гг., опираясь на свои базы и крепости в Финляндии, шведы продолжали наращивать давление на русские земли. В 1256 г. они попытались овладеть устьем реки Наровы. В ответ Александр Невский, ставший к тому времени великим князем Владимирским, направил свои полки на север. Узнав, что в Новгород прибыли военные силы Александра, шведы ретировались. А вскоре сам Александр во главе русских сил двинулся сначала на Копорье, а затем через замерзший Финский залив в земли еми, захваченные к тому времени шведами. Одновременно емь подняла восстание против шведов. Совместными усилиями русских и финнов опорные пункты шведов в Центральной Финляндии были разгромлены. Это была вторая «Зимняя война» русских в Финляндии. Поход Александра Невского в Финляндию на четверть века притормозил дальнейшее наступление шведов в регионе. На это время емь при поддержке русских освободилась от власти шведов, оставаясь под владычеством Новгорода. Отношения в треугольнике Швеция–Финляндия–Россия продолжают еще более определяться и вести историю этих стран к 1809 г.

С конца XIII в. и в первой четверти XIV в., в пору отчаянной борьбы за лидерство в русских землях между Тверью и Москвой, при активном вмешательстве в эту борьбу сюзерена северо-восточных русских княжеств – Золотой Орды, шведы наращивают свою агрессию в крае. Они вновь овладевают землями еми, неоднократно вторгаются в Карелию, закладывают в здешних местах крепость Выборг. Затем атакуют Приладожье, а в 1300 г. в устье Невы закладывают очередную крепость. Новгородцы вновь сбивают отсюда шведов, воюют на Карельском перешейке, вторгаются в земли еми, атакуют шведские форпосты, штурмуют крепость Або. Поддерживая их, Московский князь Юрий Данилович осаждает Выборг, но взять его не может. Борьба идет с переменным успехом, пока, наконец, в 1323 г. между Московским великим княжеством и Швецией в крепости Орешек, что выстроил князь Юрий в устье Невы, не был заключен мирный договор. Карельский перешеек и берега Невы остались за Русью. Шведы сохранили свои владения в Финляндии.

Итак, закончился первый этап взаимоотношений России и Финляндии. Финские земли надолго ушли из-под влияния России. Положение усугубилось в период Смутного времени, когда по Столбовскому миру 1617 г. Россия уступила Швеции города Корелу, Копорье, Орешек, Ям, Иван-город. Швеция прочно овладела Восточной Прибалтикой. Однако древняя традиция взаимоотношений финнов и русских, основой

которой явилась толерантность восточных завоевателей, их уважение к укладу жизни, обычаям, верованиям местного населения, стремление превратить финнов из противников в союзников, не пропала даром. Эта традиция ярко проявила себя уже в XVIII в., когда в ходе трех войн со Швецией и перехода части финляндских территорий к России, империи пришлось решать вопросы устройства финского народа в рамках нового для них государства.

К этому времени финские земли, принадлежавшие ранее достаточно развитому в социально-экономическом отношении протестантскому миру Северной Европы, проделали определенную цивилизационную эволюцию. Отставая от тогдашних больших держав в смысле государственного строительства, финны компенсировали это за счет терпеливого, упорного обустройства своей жизни. Необходимо учитывать и то, что пока сильные соседи истощали себя в бесконечных войнах, порой кардинально менявших ход их жизни и замедлявших цивилизационное развитие (складывание крепостного права в России, формирование абсолютистского государства и в России, и в Швеции, замедление процессов становления гражданского общества, ограничение прав и свобод не только отдельных людей, но и целых сословий и национальностей), финны стремились, на мой взгляд, максимально использовать преимущества неамбициозного народа, взять все лучшее, что давал им через Швецию западный протестантский мир и в то же время минимизировать негативные последствия своего вынужденного участия в политике больших держав. Так было в древности, так произошло и в XVIII в. уже на новом цивилизационном витке европейской истории.

По Ништадскому миру 1721 г. Россия не только приобрела Лифляндию, Эстляндию, Курляндию, но и 2 финские провинции Швеции: Выборгскую и Кексгольмскую. По Абоскому миру 1743 г. к ним была присоединена еще одна провинция – Кюменегордская. В 1744 г. 3 провинции были объединены в Выборгскую губ., и тем самым в рамках Российской империи появился финляндский социально-экономический и политический анклав, так называемая Старая Финляндия. Новая губерния резко отличалась по своим цивилизационным параметрам от территории остальной России. Финны были здесь не одиноки. С таким же цивилизационным багажом вошли в состав России прибалтийские провинции.

Начиная с 1710 г. для Прибалтики, а потом и для финских провинций, российское правительство установило присущий только им порядок жизнедеятельности. Во вновь присоединенных регионах соблюдалось бывшее до того законодательство и сохранялись прежние привилегии, в том числе сословиям и городам, старое шведское налогообложение⁶. Начиная с 1720 г. административное и судебное управление прибалтийских провинций и Финляндии были выделены в особые ведомства, отдельно от системы петровского государственного управления в целом.

Так робкие ростки финской «особности» в рамках Руси окрепли и расцвели в новых исторических условиях. По существу Россия сама создавала каркас будущей финляндской государственности задолго до событий 1808–1809 гг., используя при этом, как остроумно заметил один русский автор, «шведский строительный материал». 1809 г. стал в этом смысле продолжением уже сложившейся и дошедшей из глубокой древности исторической традиции. Только с каждым столетием достававшиеся России финские земли имели все большее цивилизационное отличие от российских порядков. Внимание к этой стороне вопроса проявил даже Петр I, не отличавшийся особыми сантиментами там, где требовалось, по его понятиям, проявить жесткость для укрепления единства государства. По его стопам пошли Елизавета Петровна и Екатерина II. И дело было не в их склонности к правам и свободам человека – своих людей по мере надобности российская власть в XVIII в. и закрепощала, и порола, и даже (Петр I) сажала на кол. Внимание и уступки населению прибалтийских и финских провинций объяснялись просто: здесь, на западных рубежах России, в прямом соприкосновении с более свободным, чем Россия, миром, требовалось лояльное, преданное новому сюзеру население. Внешнеполитические расчеты диктовали и соответствующую внутреннюю политику в отношении вновь присоединенных территорий. Эффект был налицо⁷.

Условия Фридрихсгамского мира и решение Боргосского сейма ознаменовали не только закрепление старых традиций во взаимоотношениях финского населения и России, но и стали на этом пути новым этапом. Действительно, Фридрихсгамский мир для б вновь присоединенных финских провинций, которые стали называться «Новой Финляндией», подтверждал действие старых шведских законов, а также «свободное отправление» лютеранской веры, «права собственности и их (жителей провинций. – А.С.) преимущества»⁸. Мир утвердил в финских землях и другие порядки, которые бытовали здесь с давних времен – например, традиции самоуправления и свободного крестьянского состояния.

Война (третья «Зимняя война» России в Финляндии) продолжалась, когда в марте 1809 г. в г. Борго был созван финский сейм, который провозгласил новый статус завоеванных Россией территорий. Они стали именоваться Великим княжеством Финляндским Российской империи с особым административным устройством. Таким образом, впервые в своей истории финский народ получил государственность, пусть и ограниченную в своем суверенитете привязанностью к фигуре российского императора, ставшего великим князем Финляндии.

Примечательна история выработки статуса Финляндии. Ее возглавил по поручению Александра I статс-секретарь империи М.М. Сперанский, который в ту пору был на взлете своей служебной карьеры. Сперанский представил императору план политических преобразований в России, которые должны были постепенно перевести страну на рельсы конституционной монархии. Политическое устройство Финляндии и стало для Сперанского, возможно, наиболее полным выражением его реформаторского кредо, стержнем которого был принцип разделения властей и народного представительства при сосредоточении «державной», т.е. верховной, власти в руках императора.

При этом Александр I и Сперанский учитывали состояние финского народа в рамках шведского государства. К началу XIX в. Швеция представляла собой сословно-представительную монархию с определенными вольностями и привилегиями для сословий и городов. В Швеции, как и в финских землях, входивших в ее состав, отсутствовало крепостное право. Однако финское население пользовалось этими правами и свободами не в полной мере. На заседаниях рикстага финны были в меньшинстве, и их интересы нередко нарушались. Шведское правительство зачастую препятствовало экономическому прогрессу края. Финны были стеснены в употреблении родного языка, так как государственным языком на территории шведского королевства являлся шведский. Все это порождало антишведские настроения среди части финского населения, особенно его высших слоев. Не раз финские оппозиционеры пытались найти контакты с российским правительством. Так что всей своей историей и реальностями начала XIX в. финны оказались подготовленными к вхождению в состав России.

В то же время это порождало и определенные политические трудности. Россия должна была дать Финляндии то, чего та тщетно пыталась добиться от Швеции. Необходимо было учитывать и то обстоятельство, что Финляндия входила ранее в состав страны с конституционным устройством, сословным представительством, элементами разделения властей, отсутствием крепостной зависимости сельского населения. В России же господствовала абсолютная монархия и царило крепостное право. И тем не менее Александр I смело пошел на установление особого, конституционного статуса Финляндии, учитывая прежние шведские политические установления, касающиеся и финского населения, но без прежней его дискриминации, и вычленив Финляндию из российской политической и социально-экономической системы. Что это было? Только ли внешнеполитический расчет, укрепление российских позиций на вновь присоединенных территориях? Думаю, что столь традиционный для нашей, да и для финской, историографии подход к проблеме является весьма ограниченным. Он не принимает во внимание весь комплекс реформистских попыток Александра I и его соратников начала XIX в., их стремление повернуть Россию в новое конституционное и антикрепостническое русло.

На мой взгляд, следует учитывать либеральные внутривнутриполитические меры Александра по восшествии на престол, выдвижение на первые роли в государстве реформатора и либерала Сперанского, первые попытки смягчения крепостного состояния крестьян. В этом ряду определение статуса Финляндии стало не только историей взаимоотношений Финляндии с Россией, историей финского народа, но и историей России. В составе России, пусть на правах личной унии, появилось конституционное антикрепостническое политическое образование.

В этой связи статус Финляндии нельзя рассматривать изолированно от других шагов Александра I в конституционном и либеральном направлении – от новых попыток конституционного переустройства России («Государственная Уставная грамота Российской империи» Н.Н. Новосильцева), продолжения поисков путей отмены крепостного права (проекты Д.А. Гурьева, А.А. Аракчеева, С.Д. Воронцова; отмена крепостного состояния крестьянства Курляндии, Лифляндии, Эстляндии; подталкивание к этому же акту дворян Малороссии), решительных шагов по введению конституционных основ в освобожденной от Наполеона Европе (поддержка конституционных актов в Баварии и Вюртемберге; личное авторское участие Александра в разработке конституционной «Хартии» посленаполеоновской Франции, предусматривавшей равенство всех граждан перед законом, учреждение двухпалатной Ассамблеи, сохранение в неприкосновенности Гражданского кодекса Наполеона, религиозную терпимость).

Но наиболее впечатляющим шагом в этом направлении стало введение конституционного устройства еще для одной части Российской империи – Царства Польского. Польше были предоставлены самоуправление, право иметь собственную армию, свобода печати. В марте 1818 г. открылся новый польский сейм. В своей речи на его открытии Александр I признал вновь вводимые польские порядки за образец для предстоящего реформирования России («Вы мне подали средство явить моему Отечеству то, что я уже с давних лет ему приурочиваю»)⁹. К этим «давним летам», несомненно, относилось и конституционное устройство Финляндии. А это значит, что речь в обоих этих случаях шла не только о Финляндии и Польше, но и о России. Оба эти государства волей исторических судеб стали конституционной частью российской истории, а саму эту историю, эволюцию политического и социально-экономического строя России, ее развивающегося гражданского общества и гражданского самосознания, я полагаю, нельзя рассматривать вне контекста исторического опыта этих двух национально-политических анклавов. Вместе с конституционным устройством Финляндии и Польши, вместе с гражданскими свободами и правами человека в Россию входила новая цивилизационная струя.

Но вернемся к 1809 г. Боргоский сейм стал по существу учредительным съездом нового государственного образования – Великого княжества Финляндского. Финские сословия присягнули императору. Он в свою очередь дал финскому народу «удостоверения», обещая сохранить все прежние законы и привилегии¹⁰. На сейме Александр I говорил о законах и привилегиях «страны», подчеркивал государственный статус вновь созданной автономии. В ходе последующих переговоров с финскими «депутациями» в Финляндии и Санкт-Петербурге, в которых самое активное участие принимал Сперанский, определилась структура управления Великим княжеством, во главе которого встал Правительствующий Совет, ставший впоследствии императорским Финляндским Сенатом. Под руководством Совета действовали комиссии. Председательствовал в Сенате генерал-губернатор, назначаемый императором.

Все дела Финляндии в Санкт-Петербурге рассматривала специально созданная комиссия Финляндских дел во главе со статс-секретарем с прямым выходом на царя. Окружное земское управление во вновь присоединенных провинциях основывалось на прежних шведских принципах. Таким образом, с самого начала Финляндия позиционировалась в системе Российской империи как государственно-политическая структура с одной ей присущей системой управления и хозяйствования, что сразу же выделило Финляндию среди других политических субъектов империи. Важнейшим этапом в истории взаимоотношений Финляндии и России, как и в истории каждой из этих

стран, стал указ Александра I от 11 декабря 1811 г. «О присоединении к Финляндии Выборгской губернии» и опубликование манифеста «О именовании старой и новой Финляндии совокупно Финляндией»¹¹.

Так вслед за конституированием на новых цивилизационных принципах присоединенных финских провинций последовал еще один реформаторский шаг российского правительства. Этим актом ставшая Выборгской (позднее Финляндская) губ., т.е. так называемая Старая Финляндия, и «Новая Финляндия» объединялись в единое целое. На политической карте мира появилось Финляндское единое государство как автономная часть Российской империи. Самое важное в этом указе заключалось не только в создании единой Финляндии, но в распространении на новое государственное образование всех норм и порядков, действовавших на территории Великого княжества Финляндского. Естественно, суверенитет этого нового государственного образования был ограничен верховной властью российского монарха и теми учреждениями и лицами, кому император делегировал свои управленческие функции. Но факт оставался фактом. Государство Финляндия появилось. И не только в своих оптимальных границах, но и на современной для тогдашней действительности цивилизационной основе.

Таким образом, 1809 г. и его логическое продолжение в актах 1811 г. стали той стартовой площадкой, с которой началось восхождение к полному государственному суверенитету Финляндии, состоявшемуся в ходе бурных революционных событий начала XX в. и конкретно в 1917 г. А между этими двумя датами – 1811 и 1917 гг. – пролегал длительный и тяжелый путь борьбы финского народа за этот самый суверенитет. Роль России в этом процессе была весьма противоречивой. С одной стороны, особенно в период либеральных реформ Александра II, российское правительство продолжало укреплять финляндскую «особность», придавая ей все более суверенные черты, с другой – стремилось поставить определенные барьеры намерениям финнов добиться полной независимости. Это особенно проявлялось по мере вызревания финской государственной идеи, развития в Финляндии сепаратистских настроений, а также в связи с усилением консервативных тенденций в российском руководстве в конце XIX в.¹²

1860–1870-е гг. ознаменовались новым взлетом либеральных установлений в отношении Финляндии. В 1863 г. собрался долгие годы не созываемый сейм. Финский язык стал фактически государственным языком Финляндии. Все судебные и административные органы Великого княжества были обязаны впредь беспрепятственно принимать бумаги и документы на финском языке, а позднее финский язык был официально объявлен государственным языком Великого княжества. Согласно военной реформе 1878 г., Финляндия получила право на формирование своих национальных вооруженных сил с собственными уставами. В Финляндии была введена собственная денежная система, появилась финская марка. Было введено новое таможенное регулирование, сближавшее Финляндию с западноевропейской экономикой, а также другие прогрессивные для того времени новшества политического и экономического характера. Я думаю, правы те авторы, которые считают, что по существу Финляндия превращалась в «либеральное гражданское общество»¹³. Но вряд ли можно поддержать тезис о том, что Финляндия и Россия двигались в разных цивилизационных направлениях¹⁴. Двигались они в одну сторону, но с разной скоростью, поскольку стартовая социально-экономическая и политическая площадки были у них различны: в России продолжала существовать абсолютная монархия, а до 1861 г. и крепостное право. Финляндия же при помощи России абсорбировала все наиболее значительные на то время элементы гражданского общества. Это был парадокс эпохи, конституированный событиями 1809 г. А далее эти взаимоисключающие тенденции воздействовали на Финляндию в течение всей второй половины XIX в. и в начале XX в. Здесь и периодическое усиление цензуры, и ограничение использования финского языка, и ужесточение контроля со стороны имперских органов за финскими органами управления, и уничтожение свободы союзов и собраний и многое другое. Помогая финским лидерам создавать суверенную Финляндию, российское правительство с трудом воспринимало эту мысль и тяжело, поэтапно расставалось с Финляндией.

Но чем слабее становилась Российская империя, что проявилось, в частности, в нарастании революционной волны в начале XX в., чем выше поднимали голову национальные регионы страны, рвущиеся к новой жизни, тем сильнее и активнее становилась Финляндия. С 1907 г., когда собрался новый сейм, превратившийся в однопалатный парламент, Великое княжество фактически стало республикой. И сразу же началась борьба между имперским правительством и финским парламентом, который, как и российская Государственная дума, многократно распускался. Все определенной становилась тенденция унифицировать законодательство, государственную и экономическую жизнь Финляндии с общероссийскими нормами. Но время уже уходило.

Последнюю точку в истории, открытой 1809 г., поставила русская революция 1917 г. После Февральской революции все права Финляндии были восстановлены, а 22 декабря 1917 г. ВЦИК Советской России признал независимость Финляндии, провозглашенную финским сеймом 23 ноября того же года. Исторический цикл создания финляндской государственности завершился. Теперь его уже не могли поколебать ни попытки повернуть все на круги своя в 1918 – начале 1920-х гг., ни последняя угроза в этом направлении в образе очередной, четвертой по счету – «Зимней войны» 1939–1940 гг. Финляндия окончательно и бесповоротно пошла по пути независимости и суверенитета. Россия с выходом Финляндии из своего состава потеряла один из своих самых развитых в гражданском и социально-экономическом смысле регионов, что не могло не сказаться на общем цивилизационном уровне страны в XX в.

Примечания

¹ См.: *Седов В.Д.* Славяне в древности. М., 1994. С. 95–132; *Петрухин В.Я., Раевский Д.С.* Очерки истории народов России в древности и раннем Средневековье. М., 1998. С. 40–57.

² Повесть временных лет. СПб., 1996. С. 13, 14.

³ Основные этапы внешней политики Руси с древнейших времен до XV в. // История внешней политики России. Конец XV–XVII в. М., 1999. С. 62.

⁴ *Шаскольский И.П.* Борьба Руси против крестоносной агрессии на берегах Балтики в XII–XIII вв. Л., 1978. С. 40–111.

⁵ ПСРЛ. Т. 1. СПб., 1846. Стб.190.

⁶ *Осмо Юссила, Сепло Хентило, Юкка Невикиви.* Политическая история Финляндии: 1809–1995. М., 1998. С. 15.

⁷ *Юрки Пааскоски.* Российская империя и становление Великого княжества Финляндского в 1808–1820 годы // Российская империя и становление Великого княжества Финляндского. 1808–1820 гг. Хельсинки, 2009. С. 103.

⁸ См.: *Рогинский В.В.* Историческое значение Фридрихсгамского мира 1809 года для России // Российская история. 2009. № 3. С. 74.

⁹ См.: *Сахаров А.Н.* Александр I. М., 1998. С. 157.

¹⁰ *Юрки Пааскоски.* Указ. соч. С. 103.

¹¹ ПСЗ-1. Т. 31. № 24907.

¹² См.: *Рогинский В.В.* Указ. соч. С. 77–78.

¹³ *Осмо Юссила, Сепло Хентило, Юкка Невикиви.* Указ. соч. С. 60.

¹⁴ Там же. С. 61.